

МАРАТ ШАФИЕВ

Краткая история русскоязычной бакинской поэзии

«Я – комплексная вселенная...»

В своей автобиографии он написал: *«В ночь с 3-его на 4-ое октября/ 1973 года нашей эры/ Лукомников Геннадий Ильич/ бросил курить. Адрес: Л. Шмидта,/ 8, кв. 78, возраст – 34 года, в 1939 г./ родился, место рождения – г. Баку,/ место проживания – г. Баку, специальность – миллиардер./ 24.57 – 12.45 = 12.12/ Не курю 2 суток /17 ч. 20 м./ Не курю 2 суток/ 18 час. 30 мин.»* Почему миллиардер? Он с лёгкостью и щедро оперировал огромными цифрами (*«я рождён для богатства и прочих роскошных явлений»*): *«миллионэтажный солнцезащитный», «позади миллиардная галактика»,* рисовал денежные купюры в миллиард или квадрильон рублей. Каждое стихотворение, помноженное на 37 (почему 37 – поймёте дальше), действительно, он был баснословно богат.

Недописанный мемуарий звучит так: *«Погиб 24. 08. 1977, 38-летним, сорвавшись с балкона, прячась в очередной раз от прибывших на дом санитаров».* Дело в том, что уже в детстве ему диагностировали шизофрению, вся его жизнь прошла между квартирой мамы (что такое еврейская мама по отношению к единственному сыну – знает каждый) и психбольницей: *«А то маячат длиннющие списки/ Инсулином, сульфазиним и порошком горьким».*

Он работал мало: чертёжником, картографом, фотографом, рабочим сцены и декоратором в Бакинском театре оперы и балета; крохотную пенсию за инвалидность 2-й группы принимал как гонорар за нигде не публикуемые стихи – «стихи за 37 рублей». Далеко после смерти четыре его стихотворения напечатали в антологии «Самиздат века» (1977) и в сборнике «Русские стихи 1950-2000 годов» (2010).

Он сам себя издавал в единичных рукописях, иллюстрированных цветными карандашами. Показателен его научно-фантастический роман «Горящие глаза», сейчас бы это назвали комиксом: межгалактические приключения советских космонавтов. На каждой странице описывается жизнеустройство разных планет – экстравагантные и поэтические миры при определённом понимании предстают как вполне логичные и куда более красивые, и достойные, чем его повседневное существование. А вот с местной Девичьей башни, к которой приткнулась московская Спасская, сгасает балерина в пачке и с толстыми икрами – картинки его тождественны словесным текстам: маргинальное, интуитивное искусство (**ар-брют** – направление в изобразительном искусстве середины XX века. Понятие ар-брюта было введено французским художником Жаном Дюбюффе в 1945 году для обозначения собранной им коллекции картин, исполненных душевнобольными, детьми, внеевропейскими «дикарями» и примитивистами.), то есть работы в высшей степени спонтанные, не считающиеся с правдоподобием, не признающие разграничения реального и фантастического, и, тем не менее, максимально честное.

Он неровно дышал к Маяковскому, ко многим его стихам подошёл бы эпиграф из кумира: «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана», но если литературная провокация раннего Маяковского серьёзна, эпична, во весь голос, то Лукомников – намеренно дурашлив: *«Как и все, я не признанный брэнною жизнью гений,/ Исполняю заветы грядущие, как коммунизмы».* Да и злополучный буржуй, подвергнутый Маяковским радикальному порицанию и отбрасываемый как пережиток, у Лукомникова исподволь приходит в новый пореволюционный мир: *«Новые вселенные рубя топором,/ Мчим сквозь века и расстояния,/ Икра, шашлык и кубинский ром,/ Серп, и молот, и мечтания».* Но Хлебников, которого он знал фрагментарно, – вот кто мог бы стать близким

другом. Они чуть не совпали в пространстве, но звездочёты-странники – юродствующие, страдающие, – совпадают во времени, когда оно не горизонтально, а вертикально. Макро- и микрокосмос, электроны в мозге, социалистическая идеология – вот темы, думать над которыми можно не уставая. И даже намеренная бессмыслица у обоих выступает в синонимии с советской действительностью. У Лукомникова: *«Драднibra/ кребус/ клубусончик/ Сверхжутко/ съездил/ по стране...»*

Аутсайдер, шагающий не в ногу на параде, вызывает у зевак смех и презрение. Кто там шагает правой?левой, левой, левой!.. 1980–1990-е годы стали периодом «институционального прорыва» аутсайдеров – они оказались среди «инсайдеров» искусства и включены в выставочные планы музеев, для них открываются в 1995 году в Балтиморе масштабный Музей визионерского искусства, а в Лилле – Музей современного искусства. Мир периодически выпадает в зону турбулентности – в гениальное помешательство. И не был ли Лукомников тем сверхбыстрым муравьём из своей басни, за которым, пытаясь угнаться, умер слон-государство?

Жизнь его сына была более удачлива: 10 поэтических книг, персональная выставка. Но как признался Герман: лишь в 23 года (12 лет спустя после смерти отца), перелав доставшийся ему в наследство чемодан, он взлетел на качественно новый уровень: *«Для меня в папином творчестве важно ощущение, что всё можно найти в себе самом»*.

В Москве Герман работал дворником (*«Поэт в России/ Он ещё и дворник»*), сторожем. Приобрёл известность, став чемпионом Москвы в поэтическом слэме. В 2014-м победил во Всероссийском турнире и поехал на Всемирный слэм в Париж. В первом Российско-Украинском слэме во Львове в 2007 году он вдруг крикнул тогда ещё никому не понятное – пророческое: *«Отче! Бучу отчебучу»*.

Первый его сборник «Въшнія воды» 1993 года вышел с подзаголовком: «Сборник срамной лирики» (что вы хотите – деструктивные, дурные 90-е). К последней его книжке «Почти детские стихи» (Самокат, 2019) картинки рисовал мальчик-аутист Коля Филиппов. И ещё важное: Герман Лукомников стал составителем первой «Антологии русского палиндрома» – интернет-версия 1991-1993 годов, а в 2001 году уже и «бумага» (издательство Гелиос АРВ). И это высокое напряжение, возбуждённое от Хлебникова, ударило его через отца.